

Инцзюнь, преуспев в мелких пакостях, с довольным видом запил лекарство водой, и его самочувствие тут же заметно улучшилось. Он взял пульт, включил телевизор и с явным наслаждением принялся смотреть анимационный канал.

Чжоу Ман встал, прошел на кухню и открыл холодильник:

— Инцзюнь, ты голоден?

Из гостиной раздался голос Инцзюня:

— Голоден.

— В холодильнике только лапша, давай я приготовлю тебе поесть, хорошо? — говоря это скорее самому себе, Чжоу Ман достал лапшу и зажег огонь. Не дождавшись ответа, он выглянул из кухни и увидел, что Инцзюнь сидит на диване, вытянув шею и делая странное лицо. Чжоу Ман переспросил:

— Лапшу будешь?

Инцзюнь закатил глаза и рассмеялся:

— Буду. А как-нибудь потом я сам приготовлю *свою* лапшу для тебя.

Чжоу Ман лишь мгновение спустя осознал двусмысленность его фразы. Он прищурился, и уголки его губ поползли вверх:

— Ах ты, паршивец, как пакости творить, так сразу такая прить.

Он отвернулся, чтобы налить воды. Инцзюнь бросил пульт, радостно подбежал к нему сзади и крепко обхватил за тонкую талию. Положив подбородок на плечо Чжоу Мана, он заглянул в кастрюлю, где закипала вода:

— О, хочу посмотреть, как Чжоу Ман готовит свою лапшу.

Чжоу Ман рассмеялся:

— Свали.

— О чем ты думаешь? Вода закипела, скорее кидай лапшу! — сказал Инцзюнь, потираясь головой о голову Чжоу Мана. В этот миг Чжоу Ману показалось, будто огромный золотистый ретривер прильнул к нему, ласкаясь и выпрашивая внимание.

Так как Чжоу Ман тоже был голоден, он приготовил порцию на двоих, и они вместе поужинали. Видя, что Инцзюню стало значительно лучше, Чжоу Ман отправил его в душ, а вечером они вдвоем съездили на съемочную площадку.

Инцзюнь пришел в восторг от вида гоночных машин. Пару раз промчавшись по трассе, он настоял на том, чтобы Чжоу Ман сел в машину, и, рванув с места, вылетел на горный серпантин.

— Притормози, помедленнее, — нервно сжимая поручень, проговорил Чжоу Ман. Он чувствовал, как пейзаж за окном превращается в размытое пятно, а адреналин в его крови зашкаливает. Инцзюнь же выглядел так, будто полностью контролирует ситуацию: одной рукой он держался за руль, а другой то вальяжно подпирал подбородок, то лез к Чжоу Ману — погладить по щеке или ущипнуть за талию.

— Смотри на дорогу, не дури, впереди поворот! — внезапно закричал Чжоу Ман. Поворот был крайне узким, а скорость машины — невероятно высокой, они влетели на изгиб трассы в считанные секунды. Инцзюнь крутанул руль, и машина, издав пугающий визг, вошла в поворот под прямым углом.

Сердце Чжоу Мана ушло в пятки. Видя, что Инцзюнь продолжает улыбаться, он разозлился:

— Хватит красоваться, немедленно возвращайся!

Инцзюнь отпустил руль и пожал плечами, с обиженным видом посмотрев на него:

— Моя техника идеальна, чего ты боишься?

Чжоу Ман испуганно вытаращил глаза, перехватил руки Инцзюня и насильно вдавил их в руль, повернув его голову к дороге:

— Умоляю, перестань баловаться, я от страха сейчас коньки отброшу!

Бог свидетель, если бы Чжоу Ман знал, что Инцзюнь такой лихач, он ни за что не подпустил бы его к гоночным болидам и тем более не сел бы в эту машину.

Но Инцзюнь решил сыграть на нервах:

— Тогда поцелуй меня.

— Перестань нести чушь! — вспыхнул Чжоу Ман.

Инцзюнь сделал вид, что снова хочет убрать руки с руля, и Чжоу Ману ничего не оставалось, как податься вперед и коснуться губами его щеки.

Инцзюнь довольно рассмеялся и немного сбавил скорость, сжавшись над сердцем своего спутника. Но только Чжоу Ман выдохнул, как сзади послышался вой полицейской сирены.

— Это полиция! Полиция! — закричал Чжоу Ман.

Инцзюнь взглянул в зеркало заднего вида, и его улыбка стала еще шире:

— Помнишь, мы впервые встретились из-за полиции? Может, заедем в участок поболтать?

— Ты с ума сошел? Завтра начинаются съемки, хочешь, чтобы меня стерли в порошок?! — прорычал Чжоу Ман, радуясь про себя, что машина была только доставлена из-за границы и на ней еще не было номеров.

Инцзюнь беззаботно приподнял бровь:

— О, значит, ты не хочешь, чтобы они нас поймали?

— Категорически!

— Хорошо, тогда держись крепче.

Он вдавил педаль газа в пол, и черно-красный спорткар с ревом умчался вдаль под крики Чжоу Мана.

Вернувшись в общежитие около двух часов ночи, они прокрались в комнату. Чжоу Ман набросился на Инцзюня с тумаками, вымещая весь ночной страх. Инцзюнь лишь радостно смеялся, обхватив Чжоу Мана своими длинными руками и позволяя колотить себя по груди, пока они оба не повалились на кровать. Наконец Чжоу Ман выдохся. Инцзюнь, приподнявшись, поцеловал его в лоб, затем в нос и, наконец, в губы. У Чжоу Мана не осталось сил сопротивляться, а может, уже и не хотелось — он быстро поддался, позволяя Инцзюню захватить свои губы и язык в неистовом поцелуе.

Через несколько минут они оба, задыхаясь, отстранились. Инцзюнь крепко прижал его к себе. Придя в себя, Чжоу Ман медленно повернулся, и Инцзюнь обнял его со спины, уткнувшись носом в затылок, после чего оба быстро уснули.

Однако Чжоу Ман спал беспокойно, ему снилось множество снов. Ему виделись времена, когда он еще учился и проводил время вместе с Му Цзэ, их игры и смех. Во сне Му Цзэ целовал его, и от избытка чувств Чжоу Ман готов был потерять сознание. Но в какой-то момент, прямо во время ласк, человек на нем сменился — вместо него оказался Инцзюнь, этот очаровательный мужчина с каштановыми волосами и зелеными глазами. Они слились в страстном объятии, сплетаясь телами, совсем как актеры на съемочной площадке, чьи сцены Чжоу Ман видел бесчисленное количество раз. Он отчетливо чувствовал невообразимый жар и твердость внутри себя, словно этот человек пытался пронзить его насквозь, выжечь саму душу. Подчиняясь ритму, он смотрел тому в глаза, и постепенно его собственная душа, казалось, утонула в этом глубоком, изумрудно-чистом омуте. Прохладные, мягкие потоки окутывали его, принося небывалое спокойствие и свободу. Ему чудилось, будто он всегда принадлежал этому месту, и, поскитавшись по свету, наконец нашел дом.

Проснулся Чжоу Ман от шума — Сяо Люй и Юань Дахань ходили по номеру, умывались, из

ванной доносилось мерное журчание воды.

Чжоу Ман взял телефон — восемь утра. Сегодня первый день съемок, поэтому все встали рано.

Он с трудом поднялся, рассеянно толкнул дверь и спросил:

— Где Инцзюнь?

Сяо Люй завтракал:

— В душе. Чжоу, ты совсем сдал — сегодня старт съемок, даже Инцзюнь встал раньше тебя.

Чжоу Ман прислонился головой к косяку, разум все еще не прояснился.

Вдруг на его лицо брызнули ледяные капли воды. Он поднял взгляд и увидел Инцзюня: тот стоял перед ним с голым торсом, обернутый лишь в банное полотенце. В руках он держал второе полотенце, которым вытирал волосы, и, видя растерянного Чжоу Мана, широко улыбнулся — его белые зубы сияли чистотой.

— Ты чего тут застыл? Не выпался?

Чжоу Ман вдруг подался вперед и уткнулся в грудь Инцзюню — сон еще не полностью отпустил его.

Сяо Люй издал насмешливый звук:

— Ой-ой, Чжоу, ты чего? Глаза режет. Эй, Да Юань, давай бросим всё и станем агентами? Какая удача, правда?

Инцзюнь втащил Чжоу Мана в комнату и захлопнул дверь. Загнав его в угол, он взял в ладони его опешившее лицо и нежно поцеловал в лоб.

— Что с тобой? Плохо себя чувствуешь?

К Чжоу Ману вернулась ясность. Он глубоко вздохнул и оттолкнул его:

— Инцзюнь, я твой агент, ты — актер. И к тому же, я твой двоюродный брат. Мы не можем так себя вести, понимаешь? — он попробовал придать голосу строгости, добавив: — Если ты не угомонишься, мне придется передать тебя другому человеку.

Говоря это, Чжоу Ман лгал самому себе. Не говоря уже о туманных чувствах в глубине души, он возлагал все надежды на Инцзюня в преодолении жизненного кризиса — отдать свою «курицу, несущую золотые яйца» было выше его сил.

Эти слова были лишь попыткой заставить Инцзюня притормозить.

— И разве ты не говорил, что хочешь в будущем жениться? Связи со мной тебе это только повредит, — добавил он и вышел из комнаты умываться.

Сяо Люй хотел было отпустить очередную шутку, но, заметив мрачное выражение лица Чжоу Мана, прикусил язык. Он лишь коротко бросил:

— Чжоу, поторопись, к девяти все должны быть на площадке. В первый день Тони обязательно приедет, смотри, а то снова огребешь.

— Где фен? — спросил вышедший из комнаты Инцзюнь.

Сяо Люй, видя его явное недовольство, побоялся попасть под горячую руку:

— В моей комнате, сейчас принесу!

Без десяти девять команда «Круг» прибыла на площадку. Инцзюня окружили стилисты и гримеры, через пару минут к ним присоединился Цзюй Цзыцин.

— Чжоу, — подпрыгнув к нему, пропел Цзюй Цзыцин, — скоро я буду играть любовь с твоим Инцзюнем, ты не ревнуешь?

Чжоу Ман рассмеялся:

— Поздравляю. Этот фильм крайне важен, выкладывайся на полную.

— Подумаешь, — надулся Цзюй Цзыцин, — меня твой кузен будет играть, а ты даже и глазом не моргнешь. Видимо, я для тебя ничего не значу.

— Вы оба мои актеры, и раз вам выпал такой шанс, я, конечно, очень рад. Для меня это тоже возможность, так что работайте по максимуму, не позорьте меня.

Ассистент позвал Цзюй Цзыцина в гримерную, он помахал рукой:

— Понял-понял. Кстати, мы с ним немного не сошлись характерами, но я постараюсь это преодолеть...

Съемки начались. Первой снимали сцену гонки. Цзюй Цзыцин справился отлично, мастерски воплотив образ высокомерного и взбалмошного героя. Инцзюнь же весь съемочный день не снимал темных очков и держал каменное лицо, лишь изредка позволяя себе демоническую усмешку — именно так требовалось для создания образа властного героя. Это был формат «пары», очень популярный на современном рынке, поклонники по прочтении новеллы уже сходили с ума от нетерпения.

Сцену гонки отсняли за два дубля, так как оба актера выложились на все сто. Тони появился ближе к концу первой сцены, просмотрел отснятый материал и довольно кивнул:

— Неплохо, очень неплохо. Стоит признать, люди, которых ведет Сяо Чжоу, всегда на высоте.

Остальные члены команды поддакнули:

— Конечно, Чжоу — наш золотой агент. Раз уж оба главных героя под его началом, не пора ли Тони повысить ему зарплату?

— Повысить зарплату? Нет-нет-нет, — Тони покачал пальцем и, обняв Чжоу Мана за плечи, притянул к себе, — Сяо Чжоу — человек, которому я доверяю больше всех. Какое-то там повышение зарплаты — это сущий пустяк, отдать за него можно что угодно.

Все засмеялись. Чжоу Ман смутился — когда Тони в хорошем настроении, он порой говорит вещи, от которых становится неловко. Он сказал Тони, что пойдет проверит состояние актеров, и тот его отпустил.

Цзюй Цзыцин, сняв форму гонщика, развалился в кресле с молочным коктейлем. Увидев Чжоу Мана, он сразу завыл:

— Чжоу, как жарко! Во время съемок Инцзюнь так схватил меня за плечо, что аж синяк остался, посмотри!

Ассистент приподнял рукав его футболки, и Чжоу Ман увидел легкое покраснение.

— Сильно болит? Может, в больницу заглянем?

— Небольшая боль, больница ни к чему. Я просто боюсь, что во время откровенных сцен мы с ним начнем драться, — вяло проговорил Цзюй Цзыцин. — Какая дурацкая история, высокомерный «принц» и властный «президент». Терпеть не могу таких самоуверенных типов, которые смотрят на мир свысока. В жизни я бы и двух слов с таким не сказал.

— Это же кино. Да и Инцзюнь вовсе не такой человек.

— Знаю, не такой. Поэтому я и не на него злюсь, — Цзюй Цзыцин отпил коктейль. — Просто он совсем не знает меры, ни грамма нежности. Боюсь, во время постельных сцен он меня просто угробит.

— Я с ним поговорю, — сказал Чжоу Ман и, бросив взгляд на Инцзюня, сидящего в отдалении, не спеша направился к нему.

Инцзюнь все еще был в очках, глядел в небо, и в гоночном костюме выглядел совсем еще мальчишкой. Когда Чжоу Ман подошел, он повернулся и сдвинул очки на нос, глядя на него своими ясными изумрудными глазами.

— Тебе не жарко? — Чжоу Ман протянул ему стакан с прохладным чаем и потянулся к молнии на его костюме. — Снимай, после обеда он уже не понадобится.

Инцзюнь послушно позволил Чжоу Ману помочь ему, а затем снова уставился в небо.

— На что смотришь? — спросил Чжоу Ман, заметив его сосредоточенность.

— Мой отец, — глаза Инцзюня наполнились печалью, голос звучал глухо, — не знаю, когда смогу его увидеть.

— Инцзюнь... — Чжоу Ман не знал, что сказать, сердце сжалось от грусти при виде его лица.

Инцзюнь вдруг снова растянул губы в улыбке:

— Но в следующий раз, когда встречу с ним, принесу ему свою жену.

Чжоу Ман молча закатил глаза. Он давно понял, что иногда Инцзюнь ведет себя как недалекий человек, и уже перестал удивляться.

— Что опять такое? — едва улыбавшийся Инцзюнь резко помрачнел.

— Он будет меня высмеивать, — нахмурился он, — он всегда меня высмеивал.

— Кто? — Чжоу Ман подумал, что речь о Цзюй Цзыцине или других сотрудниках. — Кто высмеивает тебя?

— Отец.

— ... — Чжоу Ман помедлил, — Почему он тебя высмеивает?

— Наверное, за то, что я веду себя как олигофрен, — с горечью произнес Инцзюнь, — он смеялся, что мне никогда не найти себе жену.

—

<http://bllate.org/book/19103/1876213>